

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 12.

15 І Ю Н Я

1910 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Адресъ редакціи и конторы: Сиб. Вознесенскій, 36, кв. 4. Телефонъ 297-55.

Безобразова М. С. «Исторія одного воробья». Съ рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна 25 к.

Бьялевская О. А. «Капель» Стихотворенія. Цѣна въ папкѣ 75 к., въ обложкѣ 40 к.

Кондурушкинъ И. С. «Въ деревнѣ». Разказы. Съ рис. Цѣна 25 к.

Купринъ А. И. «Слонъ». Съ рисунокъ. Цѣна 25 к.

Карроль Льюисъ. «Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ». Любимая книга англійскихъ дѣтей. Переводъ Allegro. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Лондонъ Джэкъ. «Букъ». Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисунокъ. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к.

Малахѣва-Мировичъ В. Г. «Золотой домъ». Сборникъ разказовъ. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.

Манасеина Н. И. «Разказы для дѣтей». Со многими рис. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщенія признана подлежащей внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній

Манасеина Н. И. «На Рождествѣ». Три разказа. Съ рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и признана заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Манасеина Н. И. «Мамино дѣтство». Разказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльн. рис. на мѣловой бумагѣ. Ц. въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Полвановъ В. П. «Воронъ».—«Индѣйцы». Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьева П. С. «Елка». Стихи для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 35 к.

Соловьева П. С. «Семилѣтка». Народныя сказки. Съ рисунокъ. Изданіе 2-е. Ц. въ папкѣ 80 коп. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

Соловьева П. С. «Свадьба солнца и весны». Пьеса въ стихахъ. Съ рисунокъ. Ц. 20 коп.

Соловьева П. С. «Разгадай». Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Ц. 25 коп.

Соловьева П. С. «Березкины именины». Пьеса въ стихахъ. Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьева П. С. «Первое Апрѣля». Комедія въ одномъ дѣйствіи. Ц. 10 к.

Соловьева П. С. «Няня». Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Ц. 15 к.

Соловьева П. С. «Чудесная ночь». Пьеса въ стихахъ. Ц. 20 к.

Шапиръ Н. Л. «Люди и звѣри». Съ рисунками. Ц. 25 к.

Франсъ Анатоль. «Пчелка». Сказка. Съ рис. Изданіе 2-е. Переводъ Н. Манасеиной. Ц. 25 к.

Allegro. «Дѣти зимой». Открытки въ краскахъ. Ц. за дюжину 25 к., съ пересылкой 35 к.

Выпущивающіе книги изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Подписчикамъ „ТРОПИНКИ“ дѣляется уступка въ 20%.

На выставкѣ „Искусство въ жизни ребенка“ 1909 г. ингиоиздательству „Тропинка“ присуждена золотая медаль.

1910 годъ.

Юнь № 12.

Жизнь Хитроносъ.

Приказанъ издательству.

Какъ Хитроносъ обманулъ мужика и какъ на него

Содержаніе.

- 1. Жизнь Хитроносъ — Н. Соловьевъ. Рисунокъ Рубца.
- 2. Кривоногий — рассказъ Г. Шенгеля (Соловьевъ).

ЖУРНАЛЬ

ТРОПИНКА.

Шла сонная ночь,
 И въ сонномъ туманѣ
 На лугу въ тишинѣ
 Молчаливо стояла.

Вотъ съ Хитроносъ
 В днѣхъ, когда они
 Вдвѣхъ и дружба ихъ
 Въ той пору
 Что не пришлось
 Тамъ они уманули

Содержаніе.

1. Жизнь Хитролиса—*П. Соловьевой*. Рисунки *Рабье*.
2. Кривенькій—разсказъ *Глинской*. (Окончаніе).
3. На родинѣ первыхъ людей—*П. Инфантьева*. (Продолженіе).
4. Фабрь—*Н. Александрова*.
5. Народныя поговорки и примѣты на іюнь.
6. Загадки № 10 и № 11, шарады № 3 и № 4.
7. Ребусъ № 5.

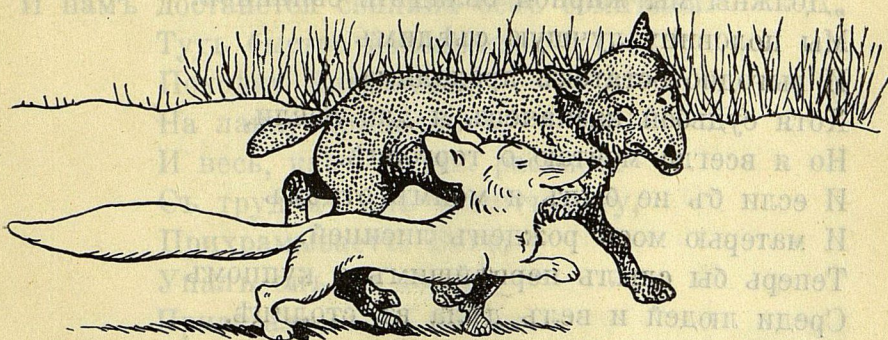

Жизнь Хитролиса.

Приключеніе двѣнадцатое.

Какъ Хитролисѣ обманулъ мужика, и что изъ этого
вышло.

БЕСЪДУЯ премирно межъ собой,
Разъ Изенгринъ и Хитролисѣ тройой
Вдоль по опушкѣ лѣса подвигались
И свѣжимъ, яснымъ утромъ наслаждались.

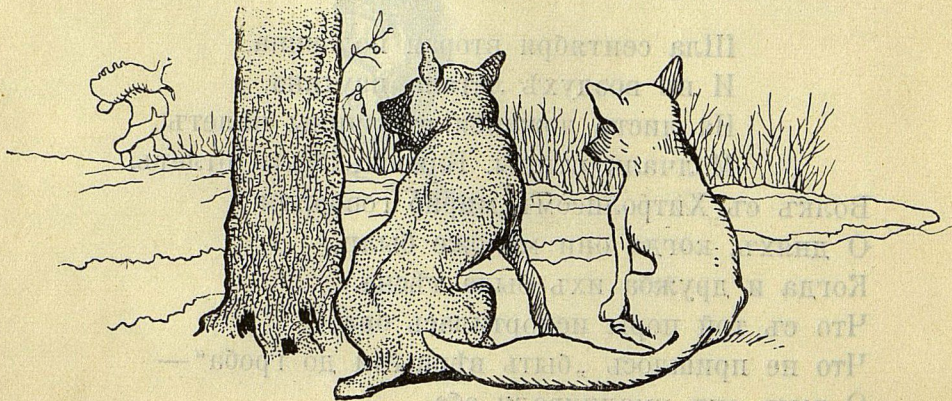

Шла сентябрь вторая половина,
И въ воздухѣ летала паутина.
На листь ложился ржавчины налетъ,
Молчали птицы. Близокъ былъ отлетъ.

Волкъ съ Хитролисомъ мирно говорили
О дняхъ, когда они моложе были,
Когда и дружба ихъ была тѣсна.
Что съ той поры испортилась она,
Что не пришлось „быть вѣрными до гроба“—
О томъ они умалчивали оба.

Вдруг видятъ, что вдали мужикъ идетъ,
Мѣшокъ какой-то на спинѣ несетъ.
Гораздо тоньше нашихъ у звѣрей
Лѣсныхъ бываютъ и глаза, и уши:
Увидѣлъ сразу каждый изъ друзей,
Что несъ мужикъ свиной прежирной туши
Большой кусокъ, должно быть, чтобъ солить.
„Счастливы случай жалко упустить,“
Промолвилъ Хитролись и въ мигъ единый
Рѣшенье принялъ, все сообразилъ.
Онъ, какъ всегда, проворнѣй волка былъ.
„Должны мы жирной овладѣть свинойю.
Мы половину лучшую съѣдимъ
И выгодно остатокъ продадимъ.
Хотя судьбой назначенъ я для ловли,
Но я всегда мечтаю о торговлѣ.
И если бъ не былъ я моимъ отцемъ
И матерью моей рожденъ лисицей,
Теперь бы слылъ первѣйшимъ я купцомъ
Среди людей и вель дѣла въ столицѣ.

Продавъ свинину, сдѣлаемъ дѣлежъ:
Двѣ трети вамъ и мнѣ — одну. Ну, что жъ,
Согласны вы?“ — „Согласенъ-то согласенъ,
Да уговоръ съ тобой всегда опасенъ.
Ты проведешь, и будетъ мнѣ обидно.“
„Ахъ, дядюшка, да какъ же вамъ не стыдно!
Вамъ услужить желаньемъ я горю,
И будетъ все, какъ я вамъ говорю.
Вонъ въ тѣхъ кустахъ спрячьтесь вы и ждите,
За всѣмъ, что буду дѣлать я, слѣдите,
Не упускайте нужнаго мгновенья,
И намъ достанется свинина безъ сомнѣнья.“

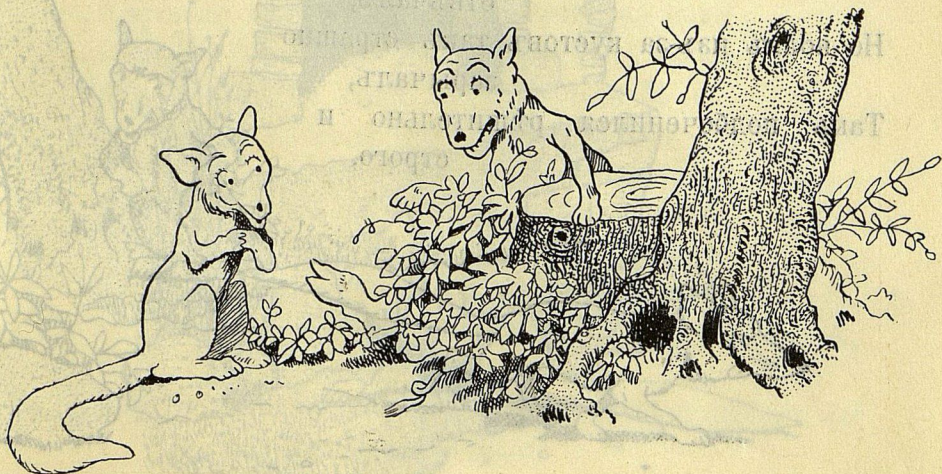
Тутъ быстро измѣняетъ
Походку Хитролисъ,
На лапку припадаетъ,
И весь, какъ грибокъ, раскисъ.
Съ трудомъ онъ тащитъ ногу,
Прихрамываетъ. Вотъ,
Упалъ онъ на дорогу,
Привсталъ, едва ползетъ.
Мужикъ замѣтилъ: „Видно,
Собрался помереть
Звѣрь. А хорошъ: завидно
На шкурку посмотрѣть.“
Подходить осторожно.
„Ну,“ думаетъ, „поймалъ!“
Но Хитролисъ тревожно
Въ кусты заковылялъ.
„Далеко не ускачешь
На раненыхъ ногахъ!
Вотъ погоди, заплачешь
Ты у меня въ кустахъ!“

Мужикъ подумалъ. Съ ношей
Спѣшить въ кусты бѣжать.
„Ужъ больно хвостъ хорошій,
Не дурно бы продать.“
Схватить онъ звѣря хочетъ
За пышный рыжій хвостъ,
А звѣрь-то какъ отскочить!
Не очень видно простъ.
Плетется еле-еле
Мужикъ, такъ тяжело:
Всѣ руки занѣмѣли,
Плечо все затекло.
Въ поту онъ, задохнулся,
Совеѣмъ нѣтъ больше силъ.
Съ проклятьемъ онъ нагнулся
И тушу съ плечъ спустилъ.
„Пусть,“ думаетъ, „свинина
Въ травѣ здѣсь полежить.“
И, разогнувши спину,
За звѣремъ онъ спѣшить.
Какъ разъ для Изенгринъ
Счастливыи мигъ насталь:
Лежить одна свинина.
Онъ изъ кустовъ привсталъ.
Настороживши уши,
Бѣжитъ, спѣшить, и вотъ,
Кусокъ тяжелой туши
Назадъ въ зубахъ несетъ.
А Хитролись, почуя,
Что ихъ обѣдъ готовъ,
Помчался въ лѣсъ, ликуя,

И скрылся средь стволовъ.
Мужикъ отъ изумленья
Къ землѣ такъ и приросъ:
„Да что за навожденье!
Свинину кто унесъ?“
Никто не отвѣчаетъ.
На землю съ высоты
Пронесаются, слетаютъ
Червонные листы.
Тутъ, весь дрожа отъ гнѣва,
Мужикъ нашъ сталъ искать,
Бросаться вправо, влево
По лѣсу, рвать, метать.
Напрасно только злится:
Бѣда, такъ ужъ бѣда.
Свинина и лисица
Исчезли безъ слѣда.
„Зачѣмъ за звѣремъ гнался!
Не жадничать бы мнѣ!“

Вотъ какъ теперь попался

И что скажу женѣ?“

А Хитролисъ, межъ тѣмъ, довольный приключеньемъ,
Спѣшилъ, чтобъ съ дядюшкой добычу раздѣлить.

„Вотъ, дядя, видите, вы мучились сомнѣньемъ,

А, разъ, что я сказалъ, ужъ такъ тому и быть.

Старался я во всю для дяди Изенгринна.

Скажите, наша вамъ понравилась свинина?“

„А стала *нашею* она съ которыхъ поръ?“

„Какъ, дядя, развѣ вы забыли договоръ!“

„Нѣтъ съ негодяями для честныхъ договора,

И для тебя, лжеца хитрѣйшаго и вора,

Я приготовилъ бы совсѣмъ другую казнь,

Да наша прежняя мнѣ вспомнилась

пріязнь:

Лисенкомъ дорогъ былъ ты дядѣ Изен-

грину...

Но уходи скорѣй и позабудь свинину“.

„Позвольте,“ Хитролисъ, смутившись,

отвѣчалъ,

Но волкъ изъ-за кустовъ такъ страшно

зарычалъ,

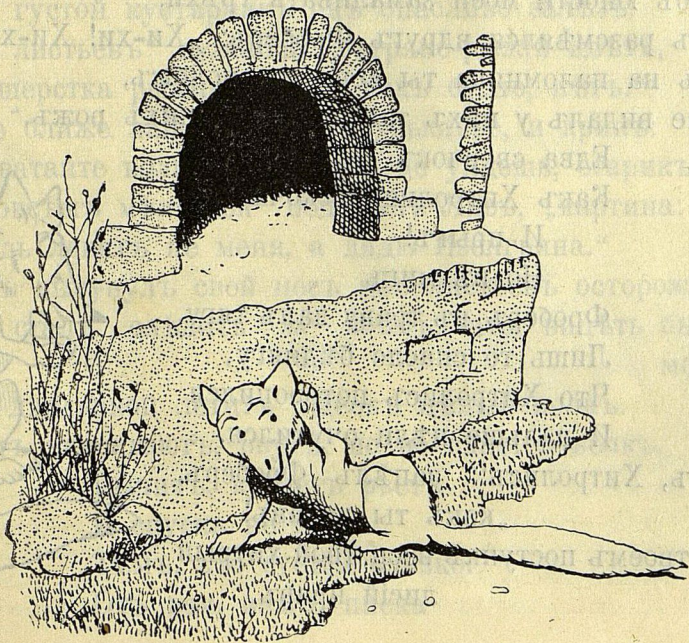
Такъ подбоченился рѣшительно и

строго,

Что Хитролись никакъ не могъ найти предлога,
Чтобъ возразить ему и отстоять свинину.
Онъ вытянулъ свой хвостъ и, ошетинивъ спину,
Съ досадою побрелъ, куда глаза глядѣли.
„Бды, хоть плохенькой, я не найду ужели?“
Онъ спрашивалъ себя. Общественная печь
Попалась на пути, и онъ рѣшилъ прилечь,
Чтобъ въ тепломъ снѣ забыть и голодь, и страданье.
Вдругъ странный звукъ сквозь сонъ привлекъ его вниманье:
Въ печи, не то въ травѣ заверещало что-то.
Для звѣря каждый звукъ—тревога и забота:
Заснешь, забудешься, а люди тутъ, какъ тутъ.
Всѣмъ нуженъ лисій хвостъ,—придутъ, возьмутъ, убьютъ.
Опять все тотъ же трескъ дрожить легко и сухо.
Тутъ Хитролись привсталъ, придерживаетъ ухо

И ужъ въ кусты готовъ онъ сдѣлать былъ
скачекъ,
Какъ размѣялся вдругъ: „Да это вѣдь сверчокъ!
Фробера скромнаго однообразный звонъ
Перепугаль меня и разогналъ мой сонъ.
Но если нѣтъ надеждъ поймать большую дичь,
Проглотишь и сверчка, какъ маленькій сэндвичъ.“
Замѣтивъ Рыжаго, Фроберь оставилъ пѣнье,
Фигуркой выразивъ безмолвное смущенье.
А Хитролисъ ему: „Ты замолчалъ зачѣмъ?
Не бойся, миленькій, вѣдь я тебя не съѣмъ.
Послушать пѣніе твое мнѣ очень важно:
Какъ пѣснь псаломщика, молитвенно-протяжно
Оно звучитъ въ тиши. Ему съ восторгомъ внемлю,
Я сталъ паломникомъ, иду въ святую землю,
Чтобъ юности моей замаливать грѣхи.“
Тутъ размѣялся вдругъ Фроберь: „Хи-хи! Хи-хи!
Ужъ на паломника ты вовсе не похожь,
Я не видалъ у нихъ такихъ хитрющихъ рожь.“

Едва сверчокъ договорилъ,

Какъ Хитролисъ вскочилъ

И прыгъ!

Но въ мигъ

Фроберь въ траву даль тягу.

Лишь то спасло бѣднягу,

Что Хитролисъ поторопился

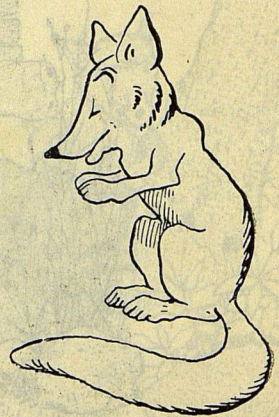
И дальше цѣли очутился.

„Ахъ, Хитролисъ!“ запѣлъ Фроберь,

„какъ ты лукавъ!

Въ твоёмъ поступкѣ весь твой хитрый

лисий нравъ.

Повѣрить никогда нельзя словамъ твоимъ.
Скорѣй разбойникъ ты, чѣмъ кроткій пилигримъ.“
„Ахъ, милый мой Фроберъ, обидно подозрѣнье:
Вѣдь я приблизился, чтобъ лучше слышать пѣнье.“
„И, пѣніе любя, меня хотѣлъ ты скушать?
Похвально! А теперь не хочешь ли послушать
Другую музыку? Я слышу лай собакъ,
Вся свора прыгаетъ въ сосѣдній буеракъ.
Вотъ выскочить сейчасъ. Хоръ дружныхъ голосовъ
Подъ звонкій переливъ охотничьихъ роговъ!“
Тутъ понялъ Хитролисъ, что близится бѣда.
Онъ слышитъ голоса: „Ату его, сюда!“
Рога трубятъ сильнѣй, и громче злобный лай.
„Ату, ату его! Хватай, лови, хватай!“
Одно мгновеніе, — и Хитролисъ исчезъ.
Въ густой кустарникъ онъ опасливо залѣзъ.
„У листьевъ“ думаетъ, „багряно-рыжій цвѣтъ,
И шерстка рыжая, — меня, какъ будто, нѣтъ.“
Все ближе лай и звонъ, и уськанье, и крикъ:
„Хватайте волка, вы! Нѣтъ, не уйдешь, старикъ!“
„Совсѣмъ мѣняется“ подумалъ Лисъ, „картина:
Вѣдь ловятъ не меня, а дядю Изенгрина.“
Онъ высунулъ свой носъ изъ листьевъ осторожно
И сталъ слѣдить за всѣмъ, что видѣтъ было
МОЖНО.

За дядюшкой летитъ ищеекъ цѣлый полкъ.
Вотъ настагаютъ, рвутъ, но не сдается волкъ.

Рычить, кусаетъ рветъ

И спуска не даетъ

Тѣмъ, кто суется близко.

Отъ воя, визга, писка

Такъ воздухъ и дрожить.
Волкъ побѣдилъ,—бѣжить.
На этотъ разъ опять спасла его судьба,
Но тяжела была неравная борьба:
Израненъ онъ, въ крови, едва волочить ноги
И, высунувъ языкъ, плетется вдоль дороги.
А Хитролись юркнулъ изъ-подъ кустовъ, впередъ
Пробрался и сидитъ на перепутьѣ, ждеть.
„Что, милый дядюшка, вотъ жадности плоды!
Не съѣли бы всего, и не было бѣды.
Когда бѣ сдержали вы условия договора,
Васъ не поймала бы ищеекъ этихъ свора.
Вамъ было бы легко бѣжать, вернуться къ тетѣ,
Теперь же, бѣдная, въ какой она заботѣ
Недѣлю проведетъ! Чай, выплачетъ всѣ глазки:
Кровь надо обмывать, перемѣнять повязки,
И не особенная, знаете ли, сласть
На шкурку рваную опять заплаты класть!..“

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кривенькій.

(Окончаніе).

III.

НИ проходили за днями. Сарай сталъ излюбленнымъ мѣстомъ пребыванія дѣтей. Володя расчистилъ уголокъ, и дѣти перенесли сюда часть своихъ игрушекъ. Мама ничего противъ этого не имѣла, такъ какъ подъ земляною крышей днемъ было

прохладнѣе, чѣмъ въ комнатахъ. Лѣто выдалось особенно жаркое, а ѣхать въ горы (какъ то вошло въ обычай въ Ташкентѣ), — семьѣ Галиныхъ не довелось. И дѣти цѣлыми днями могли наблюдать за своими любимцами. Всѣ прочія гнѣзда: на галереѣ и даже въ комнатахъ *)—въ этомъ году оставались въ полномъ пренебреженіи. Одно это гнѣздо ихъ и интересовало.

Вотъ птенчики подросли, покрылись перышками, стали выпархивать изъ гнѣзда. Каждого птенчика дѣти различали; но любили самаго съ виду тщедушнаго: того, котораго помяла змѣя. Изъ четырехъ—онъ долше всѣхъ оставался въ гнѣздѣ,

*) Въ Ташкентѣ, во многихъ загородныхъ дачахъ, куда переѣзжаютъ только на лѣто, дѣлается двойной рядъ оконъ, при чемъ, въ верхнія окна не вставляются рамы. Во время зноя это обезпечиваетъ извѣстный притокъ и движеніе воздуха въ комнатахъ. Но это же даетъ возможность ласточкамъ пользоваться жилыми помѣщеніями, тѣмъ болѣе, что мѣстные жители (сарты) глубоко убѣждены, что сбить гнѣздо—приноситъ несчастье дому. Такимъ образомъ, въ Ташкентѣ ласточки вовсе не чуждаются людей, и ихъ быть настолько у всѣхъ на виду, что даже и дѣти могутъ наблюдать за ними во всѣхъ условіяхъ ихъ жизни.

и когда, наконецъ, былъ оттуда выпихнуть самочкой,—дѣти доглядѣли, что правое крылышко было у него нѣсколько при-
спущено.

Прошла еще недѣля, другая, — у птенчиковъ началось то, что дѣти прозвали уроками. Дѣти знали, что „уроки“ завершаются „экзаменомъ“ и побаивались за своего лю-
бимца.

— Вотъ ужъ никогда бы не подумала, что и ласточкамъ приходится учиться,—удивляется Путя.—Да дочка, да ты смотри, какъ ихъ муштрують: право же съ ними строже, чѣмъ съ нами. Вотъ мы съ тобою и съ Володей лѣтомъ ничего не дѣлаемъ, а ихъ бѣдненькихъ, гляди, какъ гоняють.

И, дѣйствительно, обученіе птенцовъ производилось въ извѣстномъ порядкѣ и со всею строгостью.

Дѣти совершенно правильно прослѣдили, что занятія ласточекъ начинались съ уроковъ пѣнія.

Птенчики чинно усаживались на косякѣ. Самецъ садился напротивъ на небольшой выступъ у двери и начиналъ пѣть, продѣлывая первое колѣно ласточкиной пѣсни. Затѣмъ онъ замолкалъ — и птенчики должны были повторить слышанное. Въ началѣ дѣло плохо ладилось: птенчики издавали какой-то надтреснутый пискъ. Самецъ нетерпѣливо тукать носикомъ по головѣ провинившагося. Птенчикъ вспорхнетъ, тряхнетъ головкой и опять послушно сядетъ на косякъ. Вернется на свое мѣсто и самецъ и опять пропоетъ свое колѣнцо, и опять всѣхъ по заслугамъ наградить подзатыльниками. А дѣти смотрятъ на урокъ и весело смѣются. Володя со своимъ шаловливымъ характеромъ не разъ прерывалъ урокъ: вдругъ вмѣсто птенчика станеть вторить самцу, быстро, быстро, скороговоркою нанизывая слова, подобранныя имъ: „наносили, наносили, все пожрали, все поѣли, все поло-о-о-пали“... Самецъ

сейчасъ же, точно разсердившись, остановится, оглянется, пискнетъ, улетитъ и всѣхъ съ собою заберетъ.

— Вѣдь вотъ злока!—разсердится на него и Володя.

— А ты въ другой разъ не мѣшай,—замѣтитъ бывало благоразумная Путя.

Обученіе продолжалось довольно долго. Дѣти уже различали, который изъ птенчиковъ дѣлалъ наибольшіе успѣхи. И втроемъ они рѣшили, что „Кривенькій“ пѣлъ лучше всѣхъ. За пѣніе—ему всѣхъ рѣже и попадало. Но одновременно съ пѣніемъ требовалось и умѣнье летать; и вотъ это-то искусство Кривенькому давалось съ большимъ трудомъ.

Онъ еще ни разу не вылетѣлъ самъ изъ гнѣзда, какъ остальные. Каждый разъ родители его выпихивали силой, и онъ, судорожно взмахивая и опуская крылья, почти падалъ на землю или ударялся въ сторону, попадая на дрова. И это былъ еще наилучшій исходъ: оттуда ему легче удавалось взлетѣть обратно на косякъ. Въ случаяхъ, когда строгій самецъ налеталъ на него и начиналъ долбить въ голову,—бѣдный птеникъ жалостливо пискалъ, но не увертывался отъ ударовъ и не летѣлъ. Тѣмъ ожесточеннѣе налетала на него и начинала клевать уже и самочка, пока, наконецъ, не столкнетъ съ косяка.

И у птичекъ, какъ и у людей, выпадаютъ незадачливые дни. Такъ именно случилось однажды съ Кривенькимъ. Въ тотъ день и самецъ, и самочка послѣ пѣнія нещадно стали сбивать его съ косяка, требуя, чтобы онъ полетѣлъ вмѣстѣ съ остальными. Кривенькій грузно упалъ и забился въ уголь двора, тогда какъ другіе весело разлетѣлись по сторонамъ. Самецъ съ самочкой полетѣли за ними, оставивъ его одного. Кривенькій безпомощно сталъ осматриваться. Вдругъ онъ увидалъ развѣсистое дерево и близко, близко зеленый сукъ. И что-то потянуло его на этотъ сукъ. Онъ сдѣлалъ усиліе,

взмахнулъ слабыми крылышками и еще, и еще... и вдругъ очутился наверху. Какимъ, должно быть, прекраснымъ показался ему этотъ сукъ! Онъ впервые близко увидалъ зелень. Запрокинулъ головку и вдругъ запѣлъ, такъ запѣлъ, какъ еще ни разу не пѣвалъ. Въ горлышкѣ что-то переливалось и звонко разсыпалось.

— Да никакъ это нашъ Кривенькій распѣлся,—вдругъ разглядѣлъ его Володя.—Онъ и есть. Ахъ ты бѣдненькій! Да вы послушайте, какъ онъ поетъ,—ну право же изъ него соловушка выйдетъ.

Дѣти внимательнѣе стали прислушиваться къ пѣнію своего любимца.

IV.

Но пѣсня вдругъ оборвалась. Что-то хрустнуло на суку, быстро оттолкнулось и съ невѣроятной быстротой бросилось въ сторону.

Отъ неожиданности дѣти опѣшили.

— Кошка! Кошка! Она схватила Кривенькаго. Ловите, ловите кошку...—первымъ закричалъ Дадошка.

Но въ ту же минуту, со всѣхъ сторонъ послышался пискъ ласточекъ. Ихъ сразу слетѣлось нѣсколько, но двое,—очевидно самецъ съ самочкою, съ напряженіемъ стрѣлы неслись уже за кошкою. Вотъ она перескочила черезъ что-то и несется по цвѣтнику. Ласточки, залетая впередъ, не переставая взвизгивать и тѣмъ призывать къ себѣ на помощь, ударяютъ кошку въ голову. Дѣтямъ за нею не поспѣть; только Володя наискось бѣжитъ за Каримомъ. А тѣмъ временемъ надъ головою кошки несется уже много ласточекъ, бьютъ ее въ голову, бьютъ во что попало, нарываютъ ударить въ глаза. Но вотъ первымъ двумъ удалось на много залетѣть впередъ, круто на лету по-

вернуться навстрѣчу кошкѣ и со всѣхъ силъ сразу ударить ей въ оба глаза. Кошка шарахнулась въ сторону, замяукала. Птенчикъ выпалъ изо рта.

Каримъ и Володя подбѣжали, собираясь ударить ее нагайкой и палкой, они гдѣ-то успѣли ими запасться. И вдругъ остановились пораженными: изъ глазъ ея била ручьемъ кровь, заливая ей всю морду.

— Уйдите, Володя, нечего вамъ тутъ смотрѣть,—строго сказалъ Каримъ.—Ишь какъ ей ласточки-то угодили: оба глаза вышибли. Ну, и здорово же! придется ее пристрѣлить.

— И подѣломъ ей,—противной!.. Куда она птенчика-то дѣвала?

Каримъ унесъ кошку, а Володя сталъ искать птенчика. Но его давно уже подобрали ласточки, и когда встревоженные дѣти прибѣжали въ сарай,—они увидѣли Кривенькаго въ гнѣздѣ. Онъ былъ живъ, но лежалъ на боку; дѣтямъ ясно стало, что ихъ незадачливый любимецъ, если и спасся вторично, то не на радость себѣ.

V.

Грустные дни выпали на долю бѣднаго птенчика. Днемъ подолгу оставался онъ въ полномъ одиночествѣ. Даже и самочка все рѣже прилетала, чтобы сунуть ему что-либо въ ротъ. Лишь къ вечеру, на ночь соберутся всѣ вмѣстѣ. Но птенчики уже выросли. Въ гнѣздѣ тѣсно, поминутно то одинъ, то другой наступитъ ему на большое крыло или прижметъ такъ, что Кривенькій болѣзненно пискнетъ и отодвинется. Двое старшихъ изъ птенчиковъ были съ нимъ особенно нетерпѣливы: не разъ даже нарочно ударяли его клювиками. Онъ мѣшалъ, — и точно чувствовалъ и сознавалъ, что онъ былъ лишній.

Однако черезъ недѣлю ранку затянуло, и боль въ крылѣ прошла. Птенчикъ все чаще голодалъ, забываемый матерью. Уже и на ночь въ гнѣздо собирались не всѣ. Дѣти его жалѣли,—но помочь ничѣмъ не могли. Мелькала у нихъ мысль взять его къ себѣ въ клѣтку, но они знали, что ласточки неволи совсѣмъ не переносятъ; не могутъ привыкнуть къ человеку, стать хоть сколько-нибудь ручными.

Покинутый, голодный, птенчикъ нашъ вдругъ однажды преодолѣлъ страхъ и выпорхнулъ изъ гнѣзда. Его отвага пошла дальше: то вспархивая, то быстро сѣменя ножками, то подпрыгивая, онъ очутился въ цвѣтникѣ, гдѣ вдругъ разглядѣлъ среди цвѣтовъ и жука, и червяка, и гусеницу, и муху. И онъ съ жадностью накидывался на пищу и торопливо глоталъ, счастливый.

Но вотъ онъ пріостановился, сталъ прислушиваться.. и вдругъ стремительно куда-то направился. Не успѣлъ онъ сдѣлать и нѣсколькихъ взмаховъ крыльями, какъ очутился среди своихъ. Онъ радостно захлопалъ крылышками, разѣвая клювъ. Мать подлетѣла къ нему, на лету схватила муху и сунула ему въ ротъ.

Совсѣмъ преобразился нашъ птенчикъ. Откуда и силы взялись. Онъ вдругъ полетѣлъ за матерью и очутился на томъ самомъ косякѣ, гдѣ когда-то обучался пѣнію, и гдѣ сейчасъ, какъ и тогда, всѣ чинно сидѣли въ рядъ. Опять шелъ какой-то урокъ, но какой — птенчикъ не сообразилъ. Ему что-то вспомнилось, онъ закинулъ головку и залился пѣсенкой. Нѣтъ, не то, ему никто не вторилъ, и даже отецъ, вдругъ подлетѣвъ откуда-то со стороны, больно тукнулъ его въ головку. Онъ съежился, вспорхнулъ и опять опустился на косякъ, осматриваясь, чтобы понять, наконецъ, что же тутъ дѣлается? Притихъ и сталъ смотрѣть.

Вотъ вмѣстѣ съ однимъ изъ птенчиковъ прилетѣла мать, неся что-то въ лапкахъ и клювикѣ. Птенчикъ посторонился, и мать, подлетѣвъ къ стѣнѣ, стала быстро мять принесенное и подклеивать его къ бугорку глины, на стѣнѣ. Затѣмъ къ тому же бугорку подлетѣлъ и птенчикъ и точно также прежде помялъ клювикомъ глину, затѣмъ притопталъ ее ножками и еще клювомъ подправилъ. Понялъ Кривенькій этотъ урокъ лѣпки, понялъ, что ему нужно этому обучиться. И когда настала его чередъ, онъ все выполнилъ съ полною точностью.. Дѣло налаживалось.

Съ тѣхъ поръ птенчикъ сталъ каждое утро вылетать изъ гнѣзда вмѣстѣ со всеми; на урокахъ старался изо всехъ силъ, и только къ вечеру уставалъ больше остальныхъ.

VI.

Лѣто шло къ концу. Среди ласточекъ замѣчалось особенное оживленіе. Уроки были закончены. Всѣ выучились пѣть, лѣпить, ловить насѣкомыхъ, только летать надо было еще поупражняться. Для этого собирались уже не на косягѣ, а подальше отъ дачи, на клеверномъ полѣ, близъ дороги. Усаживались на деревьяхъ, чтобы затѣмъ съ стремительностью носиться вдоль и поперекъ, круто сворачивать, бросаться внизъ, взвиваться и, кинувшись въ сторону, оказаться опять на деревѣ. Но какъ ни старался Кривенькій летать легко и свободно—ему это не давалось; въ поврежденномъ крылышкѣ точно заноза застряла, и летѣть стрѣлою, безъ усталости онъ никакъ не могъ. Сколько разъ видали его дѣти выбившимся изъ силъ, и попрежнему жалѣли они своего любимца.

Но вотъ наступили дни, когда на большомъ полѣ скапливалась цѣлая масса ласточекъ со всехъ ближайшихъ дачъ.

Это бывало всегда уже подь осень, дня за два, за три передь отлетомъ. Такой сборъ ласточекъ дѣти называли „экзаменомъ птенчиковъ“.

Собравшіеся раздѣлялись на двѣ группы: первая группа старики, провѣряла вторую—молодыхъ. Провѣрка эта производится съ удивительною правильностью.

Вотъ взвились первые. Въ ихъ движеніяхъ чувствуется самоувѣренность. Сильно и спокойно взмахивая крыльями, они поднимаются все выше и выше; то сплотятся, то вдругъ растянутся длинною лентою, то сдвинутся въ кругъ, пока, точно по командѣ, вновь не соберутся всѣ вмѣстѣ.

Послышится окликъ, и молодые, оставшіеся на деревьяхъ и щебетавшіе, вдругъ вспорхнутъ и, въ свою очередь, сплотятся. Но въ нихъ видна суетливость. Это, несомнѣнно, — молодые, но окрѣпшіе уже птенчики. Они присоединяются къ первой группѣ,—и теперь всѣ вмѣстѣ начинаютъ носиться то высоко, высоко въ небѣ, то вдругъ, быстро опустившись, разсыпятся по сторонамъ, чтобы слетѣться на самой серединѣ поля.

Но вотъ изъ стаи отдѣлилась птичка. Съ невѣроятною быстротою проносится она вдоль всего поля съ одной стороны на другую, затѣмъ нырнетъ, круто на лету перевернется, взвоетъя столбомъ кверху и присоединится къ остальнымъ. А вслѣдъ за этою,—то поодинокѣ, то по двѣ, по три заразъ,—продѣлываютъ то же и другія,—все молодые выводки этого года.

Но вотъ выпорхнула изъ стаи и еще птичка. Ея взмахи крыльями тяжелѣе. Медленнѣе опустилась она къ самой землѣ и вдругъ, уклонившись въ сторону, сѣла на вѣтку ближайшаго дерева. Сверху раздался пискъ и визгъ. Тотчасъ же вся стая приблизилась къ дереву и начала кружиться надъ нимъ; и когда слетѣла птичка, стая вдругъ раздвинулась, затѣмъ быстро сплотилась, точно столкнулась и съ шу-

момъ отлетѣла. Что-то, крутясь и перевертываясь, падало на землю.

Дѣти быстро побѣжали. То была птичка съ глубоко, на- смерть пробитой головкой.

— Да вѣдь это же нашъ птенчикъ! Вотъ, вотъ его кривое крылышко!

Володя поднялъ птенчика.

— Срѣзался, бѣдняга! убили...—серьезно сказалъ онъ.

VI.

Печальныя пришли дѣти домой. Дадочка нѣжно держалъ птенчика, ласкалъ его, приговаривая самыя жалостливыя слова; Путя сердито бранила жестокихъ ласточекъ, а Володя соображалъ,—гдѣ бы и въ чемъ его похоронить?

— Вѣдь ужъ не оживетъ,—разсуждалъ онъ.—Сейчасъ у Мадалея спрошу тонкихъ досокъ,—сколочу настоящій гробикъ. Надо будетъ его похоронить въ вишневой рощѣ,—тамъ чудесно!...

Завидѣвъ на галереѣ родителей,—дѣти побѣжали и на- перерывъ, какъ умѣли, рассказали имъ про гадкихъ ласточекъ, которыя убили такого слабенькаго, такого славнаго птенчика.

— И за что? за что?!

— Да, сказалъ отецъ, — то, что по-нашему кажется жестокимъ,—среди всѣхъ животныхъ, повидимому, считается нужнымъ. Только здоровое и сильное имѣетъ право на жизнь. Вѣдь ласточки совершаютъ свой перелетъ на зиму въ теплые края большими стаями. Пролетать приходится имъ громадныя пространства безъ отдыха. Перелетая черезъ моря, океаны— что бы онѣ стали дѣлать со слабыми и тщедушными? Воз-

можно, что онъ предпочитаютъ убивать ихъ на мѣстѣ, нежели терять по пути.

— Но вѣдь это ужасно...

— Впрочемъ, быть можетъ, я ошибаюсь,—продолжалъ отецъ.—Тщедушныя, большыя птицы среди молодыхъ выводковъ—случай чрезвычайно рѣдкій. Вѣрнѣе, что нашего бѣднаго Кривенькаго ласточки на лету не признали за своего. Взмахомъ крыла и медленностью движеній онъ болѣе походилъ не то на воробья, не то—на что хотите, но только не на ласточку. Стая приняла его за чужую птичку, и онъ былъ заклеванъ, какъ чужой. Вспомните,—вѣдь мы съ вами не впервые наблюдаемъ за сборомъ ласточекъ и ихъ перелетомъ, и я что-то не помню, чтобъ ласточки заклевали своего же.

— Нѣтъ, нѣтъ,—такого случая никогда не бывало,—подтвердили дѣти.

— Зато, помните, какъ воробью досталось въ прошломъ году, тутъ же на полѣ, когда онъ по глупости все подвертывался?

— Ну да, тотъ воробушекъ былъ не виноватъ. Мы его вскормили,—онъ былъ ручной.

— То-то вотъ: вскормить-то вскормили, а уму-разуму не обучили. Бѣднягъ за это и досталось.

— Да вѣдь воробушка-то мы тогда спасли, а Кривенькій убить.

Долго еще не могли успокоиться дѣти. Володя уговорилъ ихъ устроить „великолѣпныя“ похороны Кривенькому въ вишневой рошѣ.

Глинекая.

На родинѣ первыхъ людей.

(Продолженіе).

Х.

Древніе города, погребенные подъ песками пустыни.

НУ что же, удачна была ваша торговля у таримцевъ? Распродали товары? — спросилъ Семеновъ у Барлыбая, когда тотъ окончилъ свое повѣствованіе о жителяхъ Тарима и Лобъ-нора.

— Какое тамъ распродалъ. Почти весь товаръ на рукахъ остался.

— Это почему же?

— Таримцы народъ бѣдный; ни денегъ, ни какихъ-либо подходящихъ товаровъ, на которые можно было бы обмѣнять мой товаръ, у нихъ нѣтъ. Они живутъ изо-дня въ-день только тѣмъ, что напромышляютъ. Впрочемъ, мнѣ удалось кое-что обмѣнять у нихъ на разныя золотыя и серебряныя вещицы, которыя они находятъ въ окружающей пустынѣ въ древнихъ, погребенныхъ подъ песками, городахъ.

— Какъ! Въ пустынѣ встрѣчаются древніе города?.. — изумился Семеновъ.

— Да, и частенько. Повидимому, въ прежнее время въ этихъ мѣстахъ было густое и богатое населеніе, но потомъ почему-то всѣ бывшіе города сдѣлались нежилыми и были засыпаны пескомъ. Очень многіе изъ таримцевъ знаютъ о существованіи такихъ городовъ въ пустынѣ и нерѣдко уходятъ на розыски скрытыхъ въ нихъ сокровищъ. Только немногимъ удается найти эти заколдованные клады, большинство

же кладоискателей уже не возвращается назадъ и погибаетъ въ пустынѣ отъ голода и жажды. Я самъ видѣлъ издали стѣны одного такого города, находящагося въ трехъ дняхъ пути на полдень отъ Лобъ-нора. Этотъ городъ туземцы называютъ Кокъ-норъ, и мѣстные пастухи часто ходятъ туда на поклоненіе кумирнѣ, гдѣ, по ихъ словамъ, возсѣдаетъ на тронѣ самъ богъ. Они увѣряли меня, что какъ изображеніе этого божества, такъ и стѣны кумирни украшены жемчугомъ, драгоценными каменьями и слитками золота и серебра, но никто не осмѣливается тронуть эти драгоценности изъ страха тотчасъ же быть пораженнымъ невидимой рукой.

— И вы не побывали въ этомъ городѣ, когда онъ былъ такъ близко?

— Незачѣмъ мнѣ было ѣхать туда. Коли нельзя взять изъ него никакихъ драгоценностей, зачѣмъ же я сталъ бы напрасно время терять?

— Нѣтъ, я непременно съѣздить бы, просто ради того, чтобы посмотрѣть да провѣрить, правду ли рассказывали таримцы,—замѣтилъ Семеновъ.

— А вотъ, поѣдемъ по пустынѣ Такла-маканъ вдоль Хотанъ-дарьи, я тамъ знаю въ одномъ мѣстѣ такой городъ, всего въ дневномъ переходѣ въ сторону отъ караванной дороги. Можно будетъ посмотрѣть, если хозяинъ разрѣшитъ отлучиться отъ каравана,—сказалъ молчавшій до тѣхъ поръ Сулейманъ.

— Гдѣ это: далеко отсюда?—оживился Семеновъ.

— Это будетъ почти на самой серединѣ нашей дороги къ Хотану.

— Ты самъ видѣлъ этотъ городъ или только слыхалъ о немъ?—спросилъ Якубъ.

— Своими собственными глазами видѣлъ. Я отбился тогда съ верблюдомъ отъ каравана и наткнулся на городъ.

— Ну и что же тамъ?

— Каменные дома, полузасыпанные пескомъ, а ни людей и никакого даже признака живого человѣка не было. Мнѣ стало страшно, я поскорѣе и убрался изъ этого мертваго мѣста.

— Эхъ ты, простота, а можетъ тамъ были сокровища, которыя могли бы тебя сразу обогатить?—сказалъ Семеновъ.

— Не до богатства человѣку, когда онъ заблудится въ пустынь, — возразилъ Сулейманъ. — Да вѣдь и сокровища въ этихъ городахъ заколдованы, и горе тому, кто на нихъ позарится. Я благодарилъ Аллаха, что онъ мнѣ помогъ благополучно выбраться изъ пустыни; а если бы я что-нибудь взялъ въ этомъ городѣ, то давно бы уже кости мои лежали гдѣ-нибудь въ пескахъ пустыни.

— Ну, Барлыбай Тулековичъ, мы съ Якубомъ отъ васъ не отстанемъ, пока вы намъ не разрѣшите посѣтить этотъ таинственный городъ. Не правда ли, Якубъ?—обратился Семеновъ къ своему другу.

— Да, отецъ, ужъ какъ хочешь, а мы съ Семеновымъ съѣздимъ посмотрѣть городъ.

— Ну, тамъ видно будетъ, — неопредѣленно улыбаясь, сказалъ Барлыбай.

XI.

Исторія мертвой страны.

Бассейнъ рѣки Тарима имѣетъ очень любопытную исторію, еще мало освѣщенную научными изысканіями.

Задолго до историческихъ временъ центральная Азія на пространствѣ двухъ милліоновъ квадратныхъ верстъ была покрыта, какъ говорятъ геологи, соленою водой, и самое глубокое мѣсто было тамъ, гдѣ находится озеро Лобъ-норъ. Но

сухой воздухъ давно поглотилъ воды этого моря и оставилъ лишь солончаки да пески пустыни.

Относительно положенія самого Лобъ-нора между учеными географами существуютъ разногласія. На старыхъ китайскихъ картахъ оно обозначено гораздо западнѣе его теперешняго положенія. Вѣроятно, это ранѣе такъ и было; рѣка Таримъ, постепенно перемѣняетъ свое русло, какъ большинство рѣкъ китайскаго и русскаго Туркестана. Прежнее русло высохло, а за нимъ изсякло и озеро. Но уже въ давно минувшія времена

Старая киргизка.

здѣсь было много богатыхъ и людныхъ городовъ; они теперь въ развалинахъ, засыпанные переносными песками пустыни. Города были построены по берегамъ протекающихъ по пустынѣ рѣкъ, но, съ отклоненіемъ руселъ этихъ рѣкъ къ востоку, города очутились среди безводной пустыни, и жители ихъ должны были переселиться на другія мѣста. Но сухіе пески пустыни, гдѣ почти никогда не бываетъ дождей, отлично сохраняютъ зданія; и когда песчаный бугоръ, перемѣщаясь вѣтромъ, открываетъ погребенныя развалины, онѣ появляются на свѣтъ такими же, какъ и были. И Барбылай рассказывалъ совершенную правду, говоря, что туземцы часто находятъ среди развалинъ золотыя и серебряныя вещи. Эти вещи и монеты по большей части греческія и византійскія. Такимъ образомъ, можно предполагать, что здѣсь когда-то находились колоніи грековъ.

Въ настоящее время китайскій Туркестанъ въ бассейнѣ рѣки Тарима имѣетъ всего около полумилліона жителей, хотя по пространству онъ вдвое больше, чѣмъ Франція. Причина

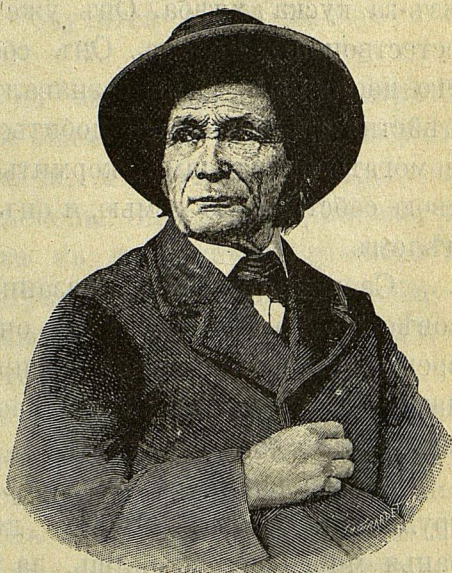
такой малолюдности—это недостатокъ воды. Дождей здѣсь не бываетъ, и страна имѣетъ видъ мертвой, совсѣмъ неизслѣдованной пустыни. Повсюду камни и груды песку, переносимаго вѣтромъ съ мѣста на мѣсто. Воздухъ знойный и пыльный; небо вѣчно красно-желтое.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Фабръ.

ЭТОЙ весной на югѣ Франціи въ Провансѣ праздновали 87-ой годъ рожденія знаменитаго естествоиспытателя Фабра.

Фабръ необыкновенно любить насѣкомыхъ и больше всего написалъ именно о нихъ. Изучая какое-нибудь насѣкомое, онъ интересуется, главнымъ образомъ, его жизнью, нравами и обычаями. Мертвое насѣкомое, насаженное на булавку на днѣ ящика, вызываетъ въ немъ только жалость и ужасъ. Изучить насѣкомое въ кабинетѣ нельзя. Число члениковъ на его ножкахъ, сяжкахъ и брюшкѣ, конечно, менѣе важно и менѣе интересно, чѣмъ внутренняя и внѣшняя жизнь насѣкомаго.

Фабръ.

Но проникнуть въ эту жизнь трудно. Необходимо быть прежде всего очень осторожнымъ и терпѣливымъ. Надо такъ наблю-

дать, чтобы насѣкомое, не чувствуя никакого стѣсненія, продолжало обычный образъ жизни. Пойманное насѣкомое уже дѣлается не тѣмъ, какимъ бываетъ на свободѣ. Надо высматривать, выслѣживать, а для этого прежде всего нужно много свободнаго времени. Вотъ этого-то времени очень долго и не хватало Фабру для его работы. Онъ былъ сынъ бѣднаго крестьянина, и его запоздали отдать въ школу, потому что отцу трудно было остаться безъ помощника. И въ школѣ, когда онъ туда, наконецъ, попалъ, ему не удалось окончить курса. Мальчикъ долженъ былъ помогать отцу. Работая, онъ продолжалъ учиться самъ. Потомъ ему удалось опять поступить въ школу. Кончилъ онъ ее блестяще и 17 лѣтъ уже сдѣлался учителемъ. За это дѣло Фабръ взялся, главнымъ образомъ, изъ-за куска хлѣба. Онъ уже въ школѣ мечталъ сдѣлаться естествоиспытателемъ. Онъ сознавалъ, что это его призваніе, его настоящее дѣло, сознавалъ, что только изучая природу, дѣйствительно можетъ добиться многого. Но ему нужно было помогать родителямъ, кормиться самому, а потомъ кормить и свою собственную семью, и онъ не могъ заниматься любимымъ дѣломъ.

Свои учительскія обязанности Фабръ исполнялъ добросовѣстно, да и дѣтей онъ очень любилъ, но все свободное время отдавалъ изученію природы и особенно своимъ любимцамъ — насѣкомымъ. Такъ прожилъ Фабръ почти до сорокалѣтняго возраста.

За это время ему удалось кое-что напечатать изъ своихъ трудовъ и скопить немного денегъ. Изъ учительскаго жалованья много не накопишь, да и семья у Фабра была большая. Ему удалось собрать ничтожную сумму, но она дала ему возможность сдѣлать то, о чемъ онъ давно мечталъ: устроить свою жизнь такъ, чтобы все время отдавать только любимому дѣлу.

И вотъ Фабръ покупаетъ себѣ въ заброшенной деревушкѣ домикъ съ крошечнымъ кусочкомъ земли. Земля прямо-таки никуда негодная. Все заросло бурьяномъ и разными сорными травами до такой степени, что въ чашу безъ царапины и даже пораненій не проберешься. Домикъ крошечный, безъ всякихъ удобствъ. А Фабръ блаженствуетъ. Ему кажется, что онъ попалъ въ рай. И не только Фабръ радуется, радуется вся его семья, а особенно сынъ Юлій. Онъ также, какъ и отецъ, любить природу и насѣкомыхъ и давно уже помогаетъ отцу въ его опытахъ и наблюденіяхъ.

Начинается работа.

Фабру не приходится уставать, далеко ходить—все, что ему надо, у него подъ рукой. Стоитъ выйти изъ дверей дома на свой пустырь, и онъ сразу очутится среди самого для него интереснаго общества.

„Кого, кого только нѣтъ на моемъ пустырь“ говоритъ Фабръ въ предисловіи къ своей знаменитой книгѣ о насѣкомыхъ. „Здѣсь и охотники, и ткачи, и рѣзчики по дереву, и строители, и каменщики, и землекопы. Здѣсь и малиновка, и воробей, и чижъ, и сычъ, и сова съ ея ночными стонами и мяуканьемъ. А въ бассейнѣ лягушки, жабы. Живу въ обществѣ моихъ милыхъ насѣкомыхъ и пишу ихъ чудную исторію.“

Но для того, чтобы писать, надо было цѣлыми днями подстерегать, выдумывать разныя хитрости и рыться въ землѣ, часами сидѣть неподвижно на какомъ-нибудь песчаномъ откосѣ подъ жгучимъ солнцемъ, задыхаться въ какой-нибудь щели на днѣ оврага, карабкаться по каменному карнизу, въ прочности котораго можно было сильно сомнѣваться. Не такъ-то легко подглядѣть насѣкомое, когда оно беретъ солнечную ванну и отъ наслажденія барабанить кон-

цами ножекъ объ листикъ. А Фабръ это видѣль, и звукъ, который издается при этомъ крошечными ножками—слышалъ: точно отъ падающихъ капелекъ дождя, — вотъ какой звукъ. И стрекозу, сбрасывающую панцырь, наблюдалъ Фабръ, и поющую цикаду, и жука, вылѣзающаго на Божій свѣтъ послѣ того, какъ три года онъ провель личинкой въ темнотѣ земли, видѣль Фабръ. И все это онъ разсказалъ такъ, что, читая его описанія, мы точно сами живемъ среди насѣкомыхъ.

Увлечение, съ которымъ Фабръ занимался своимъ дѣломъ, было такъ сильно и ярко, что невольнo захватывало и всѣхъ домашнихъ. Всѣ жили насѣкомыми, всѣ помогали Фабру, кто какъ умѣлъ. Маленькая внучка Фабра, большая шалунья и непосѣда, очень серьезно брала на себя разныя порученья. Одинъ разъ дѣдъ разсказалъ ей про рыжихъ муравьевъ, которые воруютъ дѣтей у черныхъ, чтобы сдѣлать ихъ своими рабами. Фабру хотѣлось выслѣдить такой набѣгъ. И вотъ, шестилѣтняя Люси врывается къ нему въ кабинетъ и кричитъ:

— Иди скорѣй, дѣдушка, скорѣй! Рыжіе вошли въ домъ черныхъ.

— А ты знаешь, по какой дорогѣ они шли?

— Знаю, я намѣтила. Я, какъ мальчикъ съ пальчикъ, набросала бѣлыхъ камешковъ.

Но вотъ, въ самомъ разгарѣ работы, какъ разъ въ то время, когда жизнь, наконецъ, складывалась такъ хорошо, Фабра постигло нежданное горе: умеръ его сынъ Юлій, который помогаль ему въ работѣ. Страшно гореваль о немъ отецъ, но любимаго дѣла не только не запустиль, а сталъ работать еще усерднѣе. Мать и сестры носили вѣнки изъ полевыхъ цвѣтовъ на могилу, и Фабръ тоже захотѣль положить свой вѣнокъ: написанную имъ книгу онъ посвятиль „сыну, дорогому дитяти и сотруднику.“ Въ предисловіи онъ говоритъ, что, про-

должая ее въ одиночествѣ, онъ все время думалъ о сынѣ, и ему казалось, что они работаютъ вмѣстѣ.

Фабръ и теперъ работаетъ, несмотря на свой преклонный возрастъ. Кто любитъ по настоящему, — тому не страшны ни старость, ни смерть.

Н. Александровъ.

Народныя поговорки и примѣты на іюнь.

Зосима-Савватій (12 Іюня) цвѣты пчелѣ растить, въ цвѣты меду наливаетъ.

Зосима-Савватій вмѣстѣ съ пчелой Богу свѣчку лѣпить.

Пчела—Божья угодница, Зосимѣ Савватию свой молебень поеть.

Рой роится—Зосима-Савватій веселится.

На Ивана ночь звѣздная—урожай грибовъ.

На Тихвинскую (26 Іюня) земляника ягода поспѣваетъ, красныхъ дѣвокъ въ лѣсъ зоветь.

Петровъ день проводы весны.

Съ Петрова дня красное лѣто, зеленый покосъ.

Ладь косы и серпы къ Петрову дню.

Загадка № 10.

Конечно, всѣ нарѣчія отъ слова „рѣчь“ родятся.

Въ такомъ происхожденіи нельзя и сомнѣваться.

Но есть одно нарѣчіе, родится надъ рѣкою,

Надъ нею возвышается лишь буквою одною.

Прошу я васъ, скажите мнѣ: нарѣчіе какое?

Загадка № 11.

Загадки многія рѣшили вы. Теперъ

Скажите мнѣ: въ какомъ цвѣткѣ бываетъ звѣръ?

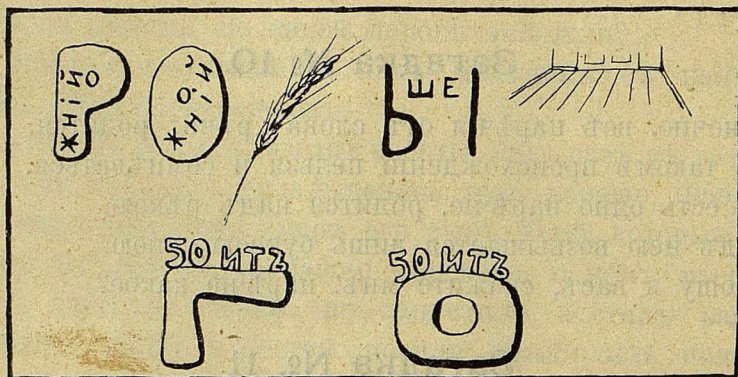
Шарада № 3.

Къ слогамъ моимъ двумъ первымъ
Привыкъ рабочихъ взгляды.
Въ лабазъ ли вы зайдете,
Они и тамъ лежатъ.
Предлогъ въ концѣ прибавьте,—
Все сразу оживится
И родиной невзрачной
Своей начнетъ гордиться.

Шарада № 4.

Первое мое—подражанье звуку
И поеть, поеть намъ съ зимой разлуку.
Мой конецъ всегда на лицѣ бываетъ,
Цѣлое—въ конецъ часто попадаетъ.

Ребусъ № 5.

Отъ конторы редакціи.

Просимъ прочесть непременно.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копеечную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р., и остальные деньги не позднее 15-го Апрѣля.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по пятницамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Условія подписки на 1910 г. на годъ 3 р. съ пересылкой и доставкой.

Открыта подписка на 1910 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

5-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нн.
въ годъ

Журналъ выходитъ 1 и 15 каждого мѣсяца въ 2—3 печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ 1910 году въ „Тропинкѣ“ будетъ напечатано, между прочимъ, слѣдующее: *Эли. Венгеровой* „Дочь-Вихоть“. *Э. Н. Гиппиусъ* „Полетѣли“ (о воздухоплаваниі). *Е. П. Иванова* „Черный мельникъ“. *П. Инфантьева* „На родягѣ первыхъ людей“. (Путешествіе двухъ гимназистовъ по Средней Азій). *И. С. Кондурушкина* „Сказна о четырехъ вѣтрахъ“. *Кл. В. Лукашевичъ* „Нелюбимая подруга“. *Н. И. Манасеиной* „Дербетская принцесса“. (Повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины II). *Проф. М. И. Ростовцева* „Олимпійскія игры“. *П. Соловьевой (Allegro)* „Царевна Зелляничка“ (пьеса въ стихахъ). *Н. Л. Шатиръ* „Въ зоологическомъ саду“ и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой 3 руб. Для ознакомленія съ журналомъ можно выписывать его на 4 мѣсяца за 1 руб. При желаніи продлить подписку остальные деньги должны быть присланы въ редакцію не поздне 15-го апрѣля.

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты 1908 и 1909 г.г.

Комплекты 1906 и 1907 г.г. всѣ разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 36, кв. 4.

Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели *Л. Солсвѣба* и *Ж. Манасеина*.